

делится с нами своими глубоко личными, затаенными волнениями и заботами, мыслями и чувствами. И это при том, что Завадский всегда, в каждом из поставленных им спектаклей остается верным и талантливым учеником Евгения Багратионовича Вахтангова, является, как и он, мастером яркой театральной формы.

К «Далым неоглядным...» Завадский обратился в годы, когда многим казалось, что сельская, колхозная тема исчерпала себя на сцене. Но это было не так. Исчерпала себя не тема, исчерпало себя ее решение — поверхностное, приблизительное, без острой постановки и глубокого анализа тех насущнейших вопросов, которыми жила в ту пору деревня. Были удивительными та чуткость и зоркость, которые проявил мастер театра, до этого, пожалуй, не соприкасавшийся близко с колхозной темой. Спектакль, в котором суровость и беспощадность при изображении трудностей деревенской жизни сплавлены с теплым лирическим чувством и светлым оптимизмом, раскрывая душу народа, был устремлен в будущее, в наш нынешний день.

Как был поставлен спектакль? В откровенно, обнаженно условной манере, когда внезапно перед людьми, ждущими лирического разговора,

люции, — говорит Завадский. — И мы думаем, что люди из «Шторма» — это также истинные революционные рыцари, без страха и упрека.

И вот сегодня наш спектакль рассказывает об этих людях — людях, преданных идеям революции, не предавая ей счета, о людях с чистой совестью и непоколебимой верой в победу коммунизма.

И совсем не случайно, что именно Ю. А. Завадскому принадлежит честь создания спектакля, который прозвучал несколько лет назад как страстное, звонкое слово о коммунисте, олицетворяющем собой совесть народа, совесть нашей эпохи. Он так и называется, этот спектакль, — «Совесть». Театр, не имея пьесы, отвечавшей его жгучей потребности говорить с современником о том самом главном, что его, современника, волнует, обращается к прозе, к одноименному роману Д. Павловой и создает спектакль, в котором понятия — партийная убежденность, нравственная сила, человеческое достоинство — неотторжимы одно от другого. Сыгравший роль инженера Мартянова, пришедшего на партийную работу и неожиданно и для себя, и для окружающих обретшего в ней свое призвание, актер Г. Некрасов показал своего героя человеком, начисто лишенным какой бы то ни было позы, фразы, а всегда поступающим по убеждению сердца.

Высшей для художника наградой — Ленинской премии — Юрий Александрович Завадский удостоен за постановку лермонтовской драмы «Маскарад». Сценическое прочтение классики — это особая страница в творчестве художника.

Мне довелось видеть Завадского как актера в ролях графа Альмавивы в мхатовской постановке «Женитьбы Фигаро» и Чацкого в «Горе от ума» в спектакле Ростовского театра драмы, где он работал в предвоенные годы. С утонченностью, рафинированностью, напористой эгоистичностью Альмавивы контрастировали пламенность и пылкость, юный лиризм Чацкого... Вероятно, можно было спорить с излишней элегантностью, душевной хрупкостью грибоедовского героя в воплощении актера. Вероятно, Завадский-режиссер был менее беспристрастен и объективен к «фамусовской Москве», нежели К. С. Станиславский к графу Альмавиве и его приспешным. Но не был ли рожден спектакль Завадского самим временем — второй половиной тридцатых годов, — которое характеризовалось бурным расцветом человеческой личности, радостным торжеством всех благородных человеческих чувств?

Ставя до этого, скажем, «Волки и овцы» А. Островского, Завадский обличал в этом спектакле не только «волков» — Муравецкую, Чугунову, Глафиру, но и «овец» — Лыньева и Кулакина, подчеркивал истинную хищническую сущность Беркутова... Тогдашняя критика, высоко оценивая поиск Завадского, писала даже о том, что Островский, мол, «пытается скрыть классовой характер «борьбы всех против всех» идеалистическим делением людей на добрых и злых, «волков и овец», а режиссер «эти измышления» автора «снял». Не будем упрекать сегодня того, кто это писал, за несправедливость в отношении гения русской драматургии, подчеркнем лишь молодой поиск Завадского, приведший его в конце концов к вершинному своему созданию — «Маскараду», в котором трагедия человеческого духа оказалась раскрытой с могучей философской и художественной силой.

Молодой поиск! Вся жизнь характеризует он отношение Завадского к актеру, его неутомимое постоянное стремление к открытию все новых и новых талантов, к открытию в талантах, давно уже полюбившихся зрителю, новых сторон и возможностей. Вера Марецкая, Ростислав Плятт, Николай Мордвинов, Борис Оленин — художники необычайно ярких творческих индивидуальностей, — скольким они обязаны режиссеру, с которым проработали всю свою жизнь, его педагогической мудрости и такту! И что еще замечательно: труппа театра имени Моссовета, представляющая собой целую плеяду разнообразнейших актерских талантов, ежегодно пополняется новыми юными дарованиями, принимающими от старших эстафету беззаветного служения сцене.

Рыцарь театра Юрий Александрович Завадский любит его любовью пламенной и требовательной, самой душой художника воспринимая смысл общественного назначения искусства.

«Способность театра, — писал несколько лет назад Завадский на страницах «Правды», — силой своего искусства объединять в едином порыве тысячную массу, сидящую в зрительном зале, и есть его великое призвание. И отсюда: что может быть бессмысленней вялого, скучного, ремесленного искусства? Кому оно нужно? Такое искусство рождает чувство горечи и недоумения.

Подобные чувства вызывают сегодня в нашем выросшем зрителе многие советские пьесы, которые досадно отстают от жизни, от тех требований, которые предъявляют к советской драматургии наши люди. Так называемые скороспелые (не говоря уже о клеветнических) пьески, в которых советский человек показан сухим, педантичным, безжизненным, не имеют ничего общего с искусством социалистического реализма».

Этими словами выдающегося советского режиссера, словами во славу нашего искусства и нашего человека мне и хочется закончить свою статью.

ЧЕМ НАМ ДОРОГ ЗАВАДСКИЙ

Юр. ЗУБКОВ

ПОСМОТРИТЕ на сегодняшнюю афишу Театра имени Моссовета. Суровый и мужественный, эпически величавый спектакль «Полк идет...» соседствует с приглушенно-надрывной и сентиментальной «Другой». Возвышенный и поэтический «Шторм» — с бескрылым, целиком сосредоточенным на изображении изнанки жизни «Затейником». Внутренне напряженный, подобный туго натянутой струне рассказ о буднях одного села, тысячами нитей связанного с жизнью страны («Мое сердце с тобой»), — со сценической новеллой (иначе «Дуэль» и не назовешь) о несостоявшейся женской судьбе, об умирающем герое и благоденствующем мещанине...

Театр, особенно такой крупный, как имени Моссовета, — организм сложный. Его афиша и репертуар формируются многими и многими людьми, обладающими разной степенью идейной зрелости и разным пониманием общественного назначения искусства, разными вкусами и разной степенью взыскательности... Как, впрочем, и зрители. Одни, увидев такую афишу, заговорят о широте взгляда театра, другие — о его всеядности, отступлениях от главной своей, генеральной линии... Но как бы ни относиться к сегодняшним репертуарным поискам моссоветовцев, их генеральная линия и в области репертуара, и в области его истолкования всегда определялась и определяется главным режиссером театра народным артистом СССР Юрием Александровичем Завадским.

Не стану говорить сегодня — в предъюбилейный день выдающегося мастера театра (12 июля Ю. А. Завадскому исполняется 75 лет), — кто, на мой взгляд, прав: те ли, кто говорит о широте взгляда театра, те ли, кто упрекает его во всеядности. Подчеркну лишь одно: сам-то Завадский никогда не отдавал дани пьесам типа «Затейника», «Другой», «Дуэли»... Он ставил «Волков и овец» и «Школу неплательщиков», «Трактирщицу» и «Маскарад», «Отелло» и «Виндзорских насмешниц», «Гибель эскадры» и «Машеньку», «Нашествие» и «Мстислава Удалого»... И чем, какими спектаклями в последние годы утвердил себя Театр имени Моссовета как один из ведущих коллективов столицы и страны, последовательно, заинтересованно и убежденно воплощающий тему нашей героической повседневности? Прежде всего постановками Ю. А. Завадского: «Дали неоглядные...» Н. Вирты, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Антей» М. Зарудного, «Совесть» Д. Павловой, «Шторм» В. Биль-Белоцерковского... Некоторые из этих спектаклей осуществлены Завадским в содружестве с покойным Александром Леонтьевичем Шапсом — человеком страстного темперамента, горячего сердца, партийной убежденности. (Мне могут заметить: к чему, мол, все эти слова об А. Л. Шапсе — не его юбилей и не о нем должна идти речь. Но ведь и соотечественники в пути характеризуют тех, кто их выбрал, в них поверил, позвал их с собой!)

Особая сердечная интонация отличает каждый из этих спектаклей. словно не театр разговаривает со зрителями, а обычный человек, человек самой повседневности, душевный и беспокойный,

могли вырасти березовые перильца на деревянном мостике через речушку, вырасти вот так просто и естественно, словно бы из-под земли. Герои спектакля — председатель колхоза Хижняков, секретарь райкома партии Ракитина, рядовые колхозники жили вполне реальной, достоверной жизнью. Но в эту жизнь вмешивался, порой останавливая ее естественное течение, Автор, которого с самой серьезной, наиподлиннейшей заинтересованностью в героях спектакля и их делах, с искренней, наисердечнейшей влюбленностью в этих людей играл Р. Плятт. И на жизнь этих людей мы уже смотрели глазами этого умного, глубокого, поэтического и в меру ироничного человека...

Сегодня особенно остро ощущается отсутствие значительных, ярких спектаклей, посвященных жизни рабочего класса — самой революционной силы в мире, нового хозяина нашей страны, который, как писал еще А. М. Горький, «отлично понимает, что ценнейшая творческая, все разрешающая, все побеждающая энергия есть энергия социалистически организованного разума». Но пьесы, которые открывали бы возможность к созданию подобных спектаклей, и раньше не рождались как грибы после дождя. Да это и естественно! Писать о новом — новом качестве жизни, новом качестве человека — намного труднее, нежели изображать старое со всеми его болезнями и уродствами. И театру легче (и удобнее, наконец!) жаловаться на отсутствие подобных пьес, чем самому создавать их. В отличие от многих своих собратьев по профессии Завадский и на этот раз ищет пути не легкого, а трудного. Театр обращается к многостраничному роману Галины Николаевой «Битва в пути», создает свой сценический вариант этого произведения, пронизанный чувством гордости за рабочего человека, верой в него, в его творческие силы, глубину патриотизма, идейную убежденность. Режиссура спектакля как бы ломает рампу, отделяющую зрительный зал от сцены, и они сливаются воедино, живут едиными мыслями и чувствами, едиными заботами. Зрителей покоряет высокий поэтический строй души рабочего человека, раскрытый многими участниками спектакля, и прежде других — одним из старейших мастеров театра В. Сохальской и тогда еще совсем юной В. Табзиной.

Эти умение и способность говорить со зрителем о проблемах огромного общественного, политического звучания очень просто, сердечно, как о чем-то интимном и сокровенном, отличают и новую постановку «Шторма», осуществленную театром к 50-летию Советской власти. Сливая и в этом спектакле сцену со зрительным залом, Завадский как бы приближает события истории к нынешнему дню, делает актеров и зрителей участниками всего происходящего в пьесе В. Биль-Белоцерковского. Мудрый это спектакль и поэтический! И тон всему задает сам Завадский, предвещающий его кратким словом. Словом о революции и искусстве. Завадский, спускающийся по ходу своего слова со ступенек, соединяющих сцену со зрительным залом, и заканчивающий это слово в те секунды, когда идет по залу между рядами зрителей.

— Ленин назвал Дзержинского рыцарем рево-